

и узналъ отъ него, что въ этой поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *вѣчномъ жидѣ*, изобразилъ всю чудную исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковскаго. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же не изнашиваемыми одѣянiями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбежномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По рассказамъ писца, Жуковскій писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ. Къ сожалѣнію, эта великая поэма не окончена. Но и это, конечно, не безъ особаго Промысла Божія: ибо если Ему угодно было внушить своему избранному пѣвцу такое высокое вдохновеніе, — а въ этомъ мы не смѣемъ сомнѣваться, — то Его же премудрости прилично было и остановить трость книжника скорописца на томъ предѣлѣ, далѣе котораго еще не возносилось вѣдѣніе человека, озаренное даже Духомъ Святымъ.

На счетъ перевода Иліады В. А. Жуковскій еще за полтора года передъ симъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что онъ имѣетъ мысль перевести и Иліаду, какъ онъ переводилъ Одиссею. «Для этого» — говорилъ онъ — «я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ прочитаю то же самое по Нѣмецки, и за тѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и Одиссею. Выходитъ иногда, что мой стихъ сходится отъ слова до слова со стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ мой; а въ другой разъ я и поправляю свой переводъ по Гнѣдичу, и тогда тутъ же дѣлаю выноски, что это не мой стихъ. Но (прибавилъ онъ) вы пока не говорите объ этомъ никому».

Въ 1850 году я былъ тоже въ Баденѣ по дѣлу, и оставался тамъ нѣсколько дней. Пользуясь этимъ временемъ, Василій Андреевичъ просилъ меня просмотрѣть нѣкоторыя, написанныя имъ, статейки религіознаго содержанія. «Я хочу» — говорилъ онъ мнѣ — «попробовать, не лѣзя ли сдѣлаться философомъ, не учившись философіи, а только зная одно Священное Писаніе. Но какъ я догматикѣ не учился, то вы посмотрите хорошенько, не сдѣлалъ ли я

какой ошибки противъ догматовъ. Можно хорошо понимать Христіанство; но мы живемъ въ Церкви, и безъ Церкви жить не можемъ. Человѣку нужна власть; надобно, чтобы надъ нимъ былъ авторитетъ, который бы всегда имѣлъ право сказать ему: ты заблуждаешься. Чтò сталося съ Протестанствомъ послѣ того, какъ Лютеръ отвергъ Церковь? Церковь его была тогда и больна и развращена; да онъ, возставъ противъ злоупотребленій, дѣйствовалъ такъ, что подрывалъ самыя основанія Церкви. И вотъ, теперь въ Германіи смотрите, чтò дѣлается въ Протестанствѣ. Чтò такое Церковь? Это кругъ, въ которомъ можешь обращаться, сколько хочешь, съ твоимъ разумомъ: но не выходи за предѣлы этого круга. А внѣ Церкви что? Безграничная пустота, просторъ для блуждающихъ». Эти мысли были любимой темою его частыхъ собесѣдованій со мною. Христіанство было для него всегдашнимъ предметомъ глубокихъ изученій.

Въ заключеніе я не могу не вспомнить теперь и съ своей стороны о какомъ-то предчувствіи близкой потери для Россіи ея заслуженнаго поэта. Это было въ Февралѣ нынѣшняго года. Василій Андреевичъ прислалъ мнѣ маленькое собраніе своихъ стихотвореній, всего на восьми печатныхъ осьмушкахъ, посвященныхъ имъ своимъ дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. Въ этой брошюркѣ было всего шесть стихотвореній, изъ которыхъ первыя два: *Птичка* и *Котикъ Усатый*, сложены имъ для перваго ученія дѣтей своихъ Русскому произношенію. Но надобно было, чтобы получивши эту книжку, я развернулъ ее на пятомъ стихотвореніи: *Царскосельскій Лебедь*. Это была уже не дѣтская басня, но какое-то таинственное описаніе прежде знакомаго лебедя, который жилъ, былъ молодъ, состарѣлся въ одиночествѣ, пропѣлъ свою лебединую пѣснь,

А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши,
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во время оно бывало,
Онъ съ земли рванулся.... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій.

Прочитавъ это стихотвореніе и перевернувъ страницу, на которой послѣдній (VI) номеръ составлялъ: *Боже, Царя Храни!* я невольно подумалъ: неужели это въ самомъ дѣлѣ предчувствіе скорой кончины его самаго, такъ поэтически изображенной въ этихъ послѣднихъ строкахъ? Какъ бы то ни было, но послѣ, когда я стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Жуковскаго, мнѣ невольно вторились его три послѣдніе стиха:

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій....